

Екатерина
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

*Мои слугайные
страны*

О ПУТЕШЕСТВИЯХ
И ПРОИСШЕСТВИЯХ

Москва
2018

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
ИНДИЯ	9
ИТАЛИЯ	47
ИСЛАНДИЯ	67
ФРАНЦИЯ	113
РОССИЯ	161
ЧЕХИЯ	203
КИТАЙ	225

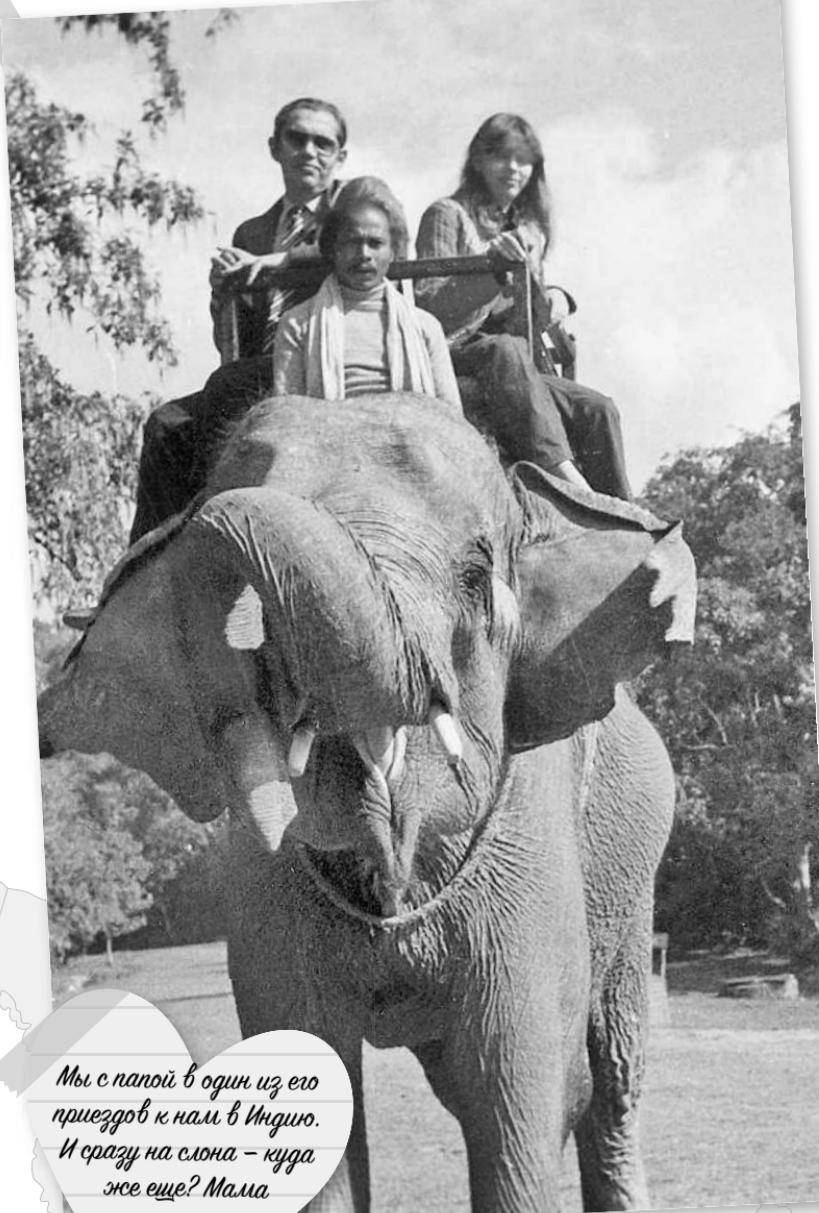

УКРАИНА	255
НОРВЕГИЯ	269
ХОРВАТИЯ.	277
ИСПАНИЯ.	295
ТУРЦИЯ.	311
США	327
КУБА	347

004

/ Екатерина Рождественская / **Мои случайные страны**

Мы с папой в один из его
приездов к нам в Индию.
И сразу на слона — куда
же еще? Мама
не решилась.

От автора

Это совсем не путеводитель, это непонятно что.

Скорее, мои ощущения от увиденного.

Вкус, который никак не забыть.

Фотографии, существующие в памяти.

Фотографии в телефоне, разбрасываемые сразу по всему свету, нате, смотрите, пожирайте глазами. Не завидуйте, нет, просто знайте, что такое есть, езжайте, любуйтесь, заряжайтесь красотой!

Запах, на который вдруг обворачиваешься и идешь за ним, как на доисторической охоте.

Эмоции, которыми надо обязательно поделиться.

Вот такие мы
с мужем уехали
в Индию. 1983 г.

Счастье, которое переполняет и выплескивается, или сковывающий и лишающий дара речи ужас — и то и другое вспоминаешь потом всю жизнь, утихомиривая мурашки в душе.

Люди с большой, с огромной буквы, которыми восхищаешься, и редкие сволочи, на которых удивляешься: как бог их терпит?

Сложеные карты чужих городов с пометками и проложенными пунктирами, маршрутами, вдруг найденные в ящиках письменного стола среди старых документов. И обязательно — кружочек, обведенный ручкой вокруг твоего отеля, заботливо нарисованный консьержем, чтобы ты не потерялся в чужом городе.

Шикарные люксы с антикварной мебелью и пыльными балдахинами с видом на море и ветхие лачуги со свисающим с потолка гекконом с немым вопросом в выпуклых глазах: «Кто ты, белый человек? Зачем ты здесь?»

Долгий-долгий полет над облаками на край света, за моря-океаны, туда — где день, когда у нас ночь, туда — где всегда лето, когда у нас всегда зима. К знакомым, друзьям, врагам, случайным людям и неслучайным связям.

Набор стран и городов, континентов и частей света, ничем между собой не связанных.

Неясные школьные воспоминания: «Катманду? Где это?» — и терзания, что не сложились тогда отношения с географичкой.

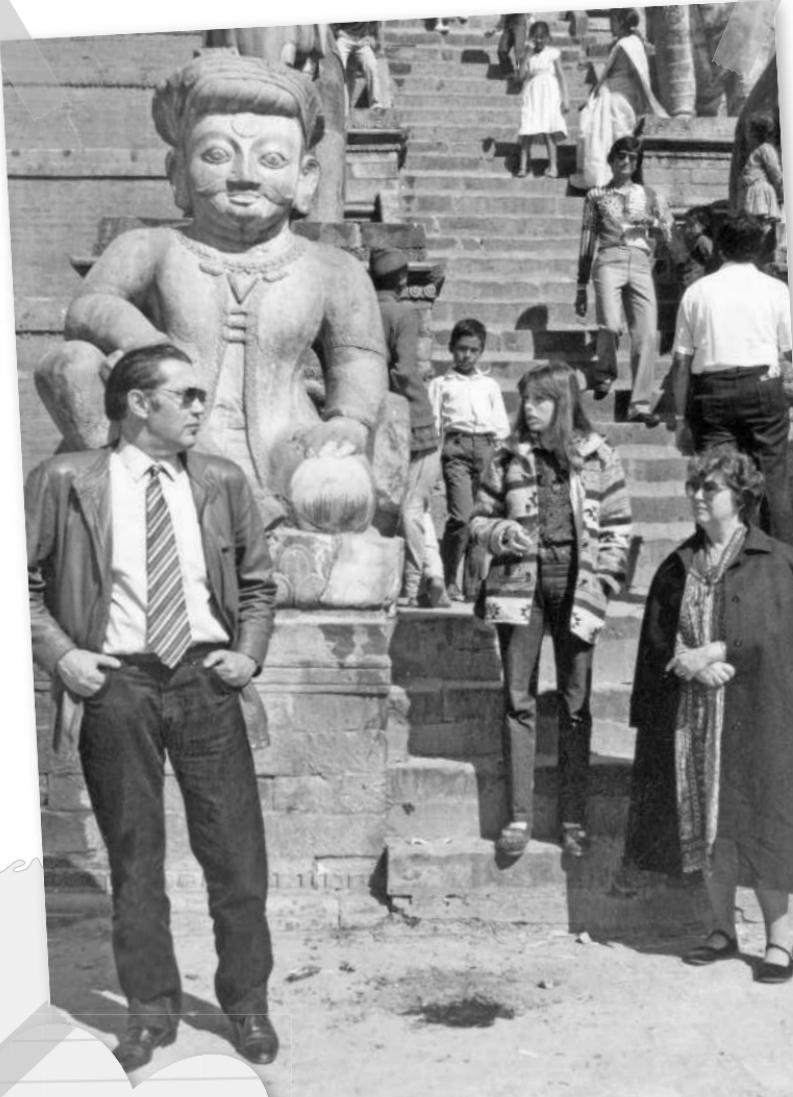
Новая пища, экзотические пейзажи, собачьи упряжки, верблюжьи караваны.

Постоянные звонки домой: «Как ты? Что в школе? Как на работе? Когда в детский сад? Что с погодой? Люблю, скучаю...»

В общем, это моя жизнь вне дома. Жизнь, которая начинается с того, что я присаживаюсь на дорожку, минутку молчу, беру мой бывалый чемодан и выхожу из квартиры, выдыхая: «Ну, с богом!»

Без
комментариев

Однажды из Индии
мы машины в Непал.
1984 г.

Индия, мое первое большое путешествие

Я редко что в своей жизни планировала.

Даже дети появились незапланированно. Не сразу, правда, через десять лет замужества, но появились же! Первый был сделан в Индии, куда мы с мужем уехали в командировку, он корреспондентом от Гостелерадио, я его боевой подругой. Я уже совсем отчаялась, что бесплодна, что как же так, такое горе, а я так хочу. Все врачи до этого в Москве уже были пройдены и даже индийские подтвердили, что все в порядке. Пошла по знахарям в Дели. Индийские знахари — это особая каста. К ним можно попасть только с кем-то из местных, чтобы тебя привели за ручку и посадили в длинную очередь. Без очереди никак, лечиться охота всем. У них нет часов приема и своего кабинета. Все происходит на улице около хижины. Пыль, грязь, жара, рыдающие сопливые дети, слоняющиеся без дела священные худые коровы, летающие насекомые с огромными жалами — вот мои воспоминания о той очереди к знахарке. Она была врачом в пятнадцатом поколении, в их роду не было других профессий, и это целительство передавалось по наследству только женской половине, мужчины не в счет. Она была родом с Тибета, маленькая, юркая, темная, вся в монетах и украшениях из бубенцов —

каждый шаг ее звенел, и если не наблюдать за ней, то просто слышались какие-то необычные музыкальные позывные, азбука Морзе из колокольчиков. Лавки все были заняты разноцветными женщинами в сари, я стояла в тени, прислонившись к дереву, и ждала. Ничего не изменилось, наверное, за эти 15 поколений, такая же очередь, те же сари, пыль, жара, все то же. Тибетка звенела, переходя от одного болезного к другому, щупала пульс, прикрывая веки и что-то шепча. Маленькая девочка лет 6–7 ей помогала, смотрела преданно в глаза и быстро бежала выполнять указания. Часа через два она подошла ко мне. Попросила сесть — пульс надо слушать в покое — и обхватила своими звенящими руками мои запястья. Прикрыла глаза и стала качать головой. Не потому, что было что-то не то, нет, просто так она входила в то состояние, когда слушала и вглядывалась в чужой организм, проникая вместе с толчками пульса в отдаленные его уголки, пытаясь разобраться в проблемах. Она качала головой, перехватывая запястья то так, то так, улыбалась чему-то своему, видимо понимая, что происходит.

— Я дам вам четыре вида пилюль, — произнесла она. — Вы будете их пить месяц, потом придете снова.

И все, и больше ни слова. И никаких объяснений. Она сказала что-то девчушке, та убежала в дом. Пробыла там минут десять, вышла уже не одна, а со старой толстой бабушкой, завернутой в километры сари. Девчушка принесла мне четыре увесистых пакетика с круглыми черными пилюлями, забрала деньги и убежала. Из чего они были скатаны — одному Богу известно. Черные, блестящие, твердые, похожие на козы какашки, и пахли на самом деле

не очень. Но я стала их пить четыре раза в день, как было сказано. Первое время боялась, что заболею чем-нибудь, — санитарные условия у знахарки были так себе. Но ничего, тогда все обошлось.

Когда пришла к ней во второй раз, выпив курс, она, снова прослушав мои запястья, дала мне еще таблеток и сказала:

— Если через месяц не понесешь, езжай в Ришикеш, окунись в Ганг. Будешь подготовлена. Все случится.

Она так и сказала: «*It will happen*».

Через месяц поехала к Гангу. Погуляла по берегу, поудивлялась. Увидела двух покойников, завернутых в белое и закрытых расшитым покрывалом. Родственники сооружали костер, выкладывая для обряда дрова. Две фигуры лежали рядом, соприкасаясь. Когда дрова наконец были сложены, одно тело водрузили на другое. Внезапно то, что лежало сверху, встало и медленно направилось к родственникам. Все отнеслись к этому спокойно, не разбежались, не закричали, только приобняли по-отечески, да и все, а «тело», сбросив белое полотно, оказалось молодой женщиной в красном вышитом сари, но без единого украшения. Так вышло, что я стала свидетелем старинного ритуала сати — самосожжения вдовы, но на современный лад. Ритуал этот официально отменен, а подстрекательство уголовно наказуемо, но то тут, то там вдовы добровольно восходят на костер с покойными мужьями, а иногда и сами поджигают себя. Ничего противозаконного, с их точки зрения, в тот раз не произошло, обряд был видоизменен — вдова просто полежала рядом с усопшим мужем в свадебном платье. Таким образом брак был завершен. Точка.

Не знаю, как для вдовы, но для меня стресс оказался сильным. Почти побежала в реку и в этот миг испытала еще один шок от того, что увидела. Он был даже сильнее первого, и организм понял — со мной дальше лучше не спорить, надо беременеть, а то еще чего-нибудь предприму. В реке я была не одна. Я вошла в мутную воду и встала по колено. Мимо меня, метрах в десяти, там, где река разбегалась и течение было веселее, на тлеющих плотах проплывали вздувшиеся, обуглившиеся трупы людей, которые не до закона сгорели в священном ритуальном костре. Как только плоты с останками отплывали подальше, на них тотчас опускались грифы и вороны, ждущие неподалеку, и упливали на пир. Эти вереницы плотов проплывали мимо, кто быстрее вниз по реке, кто теряя скорость и норовя пристать рядом со мной. Грифы подозрительно на меня зыркали, будто я претендую на их добычу, но в конце концов понимали, что в бой за покойника я не брошуся.

Я закрыла глаза и вошла. Вода была теплая, и от этой теплоты было еще противнее. Я будто растворялась, не чувствуя, где заканчивается мое, еще живое тело, а где начинается этот похоронный растворитель.

В общем, окунулась с головой. Без эмоций, без всхлипываний, без причитаний, без «фу, какой кошмар». Просто сделала несколько шагов в воду с каменным лицом. Муж в ужасе на меня посмотрел.

— Ты как?

— Все хорошо, — спокойно ответила я. — Скоро рожу.

Я родила через положенные девять месяцев. Мальчика, Лешу. Родила уже в Москве, 26 января, в День независимости Индии. В общем, совершенно незапланированно.

* * *

В Индии мы пробыли три года. Отработали, оттрубили, выжили. Переболели всевозможными экзотическими болезнями, были напуганы еще большим их количеством.

А прилетели в Дели перед самым сезоном дождей, в конце июня, дышать было нечем. Помню, когда приземлились, пилот поблагодарил нас, что мы летели самолетом Аэрофлота, а потом тихонько, чтобы не расстраивать, сказал: «Температура в Дели 51 градус...»

Все вокруг было странно, непривычно и диковато для нас, маменькиных деток из Москвы. Даже солнце и луна были непривычными! Солнце слишком белое, почти бесцветное, на вид очень холодное, словно на Северном полюсе. Скорее похожим на полную луну. А месяц был и того страннее, будто

подвешенный рожками вверх, как обгрызенная арбузная корка на столе.

Перед поездкой в Дели нам дали множество ЦУ: воду для питья долго кипятить, пока в ней не сварится вся микробная дрянь, фрукты промывать карболовым мылом и ошпаривать (выглядят они после этих процедур не очень, надо сказать), уличную еду не пробовать, в рестораны ходить только проверенные, руки мыть с мылом раз в полчаса, беречься от комаров и прочих насекомых, а от всяких ползучих гадов с криком бежать. Хотя бегала я не ото всех гадов. В нашем малюсеньком садике, у окна, после сезона дождей появился миниатюрный хамелеон. То ли он вылупился из яйца, то ли его привнесла кукушка или аист, не знаю, но однажды я заметила среди листьев скрученный зеленый хвостик, а по нему взглядом нашла хозяина. Хамелеон или не набрался еще опыта, или не видел никогда насто-

У нашего дома в Дели.
в районе Васант Вихар

ящих врагов, а может, просто страдал от одиночества и хотел, чтобы его наконец заметили. Зачем всю жизнь прятаться, подлаживаться, скрываться? Видимо, это был революционный хамелеон. Или просто неопытный подросток. Он, сидя на ветке, репетировал все известные ему цвета, то заболевая желтухой, то снова зеленея от злости, а то вдруг краснея от ярости. С этими светофорными цветами все обстояло более или менее, а вот с синим не получалось. Видимо, это было верхом хамелеоньего искусства, недоступным для мальца. Но он очень старался. Казалось, даже пыхтел от напряжения, пытаясь хоть на минуту стать синеньким! Но только бурел, грязнел, изредка голубел какой-нибудь частью тела и, сконфуженный, уползал в глубь листвы.

Я смотрела в окно на это «в мире животных» и мечтала, что как-нибудь подойду к окну, а под зонтиком на мокром стульчике сидит Николай Дроздов и говорит: «Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня в очаровательном садике Кати Рождественской у нас есть хорошая возможность познакомить вас с представителями отряда пресмыкающихся...» — а сам неловко так держит в руках кобру или удавчика, зажав зонтик, как телефон, между плечом и ухом...

В саду у нас росло одно-единственное дерево. Среди индусов оно называлось очень романтично — «смерть европейца». И совсем не из-за того, что огромные красные цветы пахли чем-то, мягко говоря, неземным, а увесистые плоды, падая с десятиметровой высоты, могли если не убить, то покалечить неосторожного прохожего, и совсем не обязательно европейца. Дело было совсем в другом. Дерево отцветало в конце апреля — начале мая, и наступало настоящее лето, без всяких поблажек, без единого облачка,